

Новые подходы к старым проблемам: некоторые аспекты постановления № 10 пленума Верховного суда РФ

■ **Е.Б.АЛЕКСАНДРОВ** – канд. юрид. наук, начальник юридического отдела, патентный поверенный (Москва, юридическая фирма «Городисский и партнеры», AlexandrovE@Gorodissky.ru)

В статье проанализированы некоторые положения постановления и то, каким образом они могут повлиять на рассмотрение споров в области интеллектуальной собственности.

23 апреля 2019 г. пленум Верховного суда Российской Федерации принял постановление № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Рос-

сийской Федерации» (далее – постановление). С момента вступления в силу четвертой части ГК РФ прошло уже более 10 лет. Очевидно, что за прошедшее время накопились вопросы и проблемы в области правоприменения. Это и обусловило необходимость принятия данного постановления.

Постановление содержит разделы, относящиеся к правам на различные объекты интеллектуальной собственности, включая авторское право и смеж-

ные права, патентное право, право на секрет производства (ноу-хау), право на средства индивидуализации, а также разделы, относящиеся к общим положениям процессуального законодательства и четвертой части ГК РФ. Всего в постановлении 182 пункта, и оно является наиболее обстоятельным со времени совместного постановления пленумов Верховного суда и Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», которое теперь признано не подлежащим применению и стало частью истории права интеллектуальной собственности современной России.

Обеспечительные меры

В практике рассмотрения споров, касающихся интеллектуальных прав, сложилась несколько парадоксальная

ситуация, когда в отношении одной категории споров (например, патентных) обеспечительные меры принимаются исключительно редко, а в других случаях (например, в доменных спорах) они принимаются практически в каждом деле. Причем в первом случае суды, как правило, отказывают в удовлетворении заявлений о принятии обеспечительных мер, ссылаясь на отсутствие доказательств того, что непринятие мер затруднит или сделает невозможным исполнение судебного акта. В постановлении Верховный суд разъясняет, что обеспечительные меры могут быть приняты, если они непосредственно связаны с предметом заявленных требований, и в случае удовлетворения иска непринятие именно этих мер затруднит или сделает невозможным исполнение судебного акта (п. 13).

В то же время относительно доменных споров в постановлении Верховный суд разъясняет, что не требуется представления отдельных доказательств того, что непринятие обеспечительных мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта по существу спора. Более того, указывается, что для применения обеспечительных мер не требуется представлять доказательства в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений стороны по существу спора. Обязательным является представление заявителем доказательств наличия оспоренного или нарушенного права, а также его нарушения. Исходя из этого, достаточно представления заявителем доказательств наличия у него права на товарный знак, а также его нарушения и обоснования причины обращения с требованием о применении обеспечительных мер (п. 160).

Безусловно, споры по доменным именам не такие сложные, как патентные. Однако представляется, что ущерб

от непринятия обеспечительных мер именно по этой категории дел может быть намного выше. В этой связи хотелось бы, чтобы позиции судов в данном вопросе были последовательны, что будет способствовать укреплению доверия хозяйствующих субъектов к российской судебной системе.

Доказательства и доказывание

Сбор доказательств – один из наиболее важных и сложных этапов подготовки дела к судебному разбирательству. С развитием цифровых технологий наиболее часто используемым источником информации стали информационные ресурсы сети Интернет. С позиции соотнесения требованиям допустимости доказательств, предъявляемым процессуальным законодательством, во многих случаях стороны прибегают к услугам нотариуса, заверяющего содержимое электронного ресурса в рамках обеспечения доказательств согласно ст. 102 Основ законодательства о нотариате, утвержденных Верховным советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1. Необходимо отметить, что в недалеком прошлом нотариус не обеспечивал доказательств по делу, которое в момент обращения к нему заинтересованных лиц находилось в производстве суда или административного органа. С 1 января 2015 г. данное положение утратило силу.

В п. 55 постановления Верховный суд обращает внимание, что в законе нет перечня допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения. Поэтому при разрешении вопроса, имел ли место такой факт, суд вправе принять любые средства доказывания, в том числе полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности, Интернета. При этом допу-

стимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами.

Таким образом, данное разъяснение существенно упрощает сбор доказательств и снимает значительную часть расходов со стороны. Однако насколько доказательство в виде распечаток окажется достаточным, и нельзя ли будет усомниться в достоверности содержания таких распечаток? Практика показала, что в любом случае к протоколу нотариуса судебные органы относятся менее критично, чем к обычным распечаткам, и, очевидно, для снижения риска оспаривания доказательства все же не стоит пренебрегать возможностью обеспечения доказательств с помощью нотариуса.

Также в случаях, не терпящих отлагательства, при подготовке дела к судебному разбирательству и при разбирательстве дела суд вправе произвести осмотр доказательств и их исследование на месте (в частности, просмотреть размещенную на определенном ресурсе информационно-телекоммуникационной сети информацию в режиме реального времени) в соответствии с требованиями ст. 78 АПК РФ. Представляется целесообразным обратиться к суду с соответствующим ходатайством и в случае, если оспаривается достоверность содержания распечатки.

Еще одно важное разъяснение – возможность использовать свидетельские показания, а также аудио- или видеозаписи для доказывания факта правонарушения. Так, в этом же п. 55

Верховный суд делает вывод о том, что такие факты могут быть установлены не только путем представления кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара, а также заслушивания свидетельских показаний, но и на основании иных доказательств, например, аудио- или видеозаписи. При этом для признания аудио- или видеозаписи допустимым доказательством согласия на проведение аудиозаписи или видеосъемки лица, в отношении которого они производятся, не требуется, поскольку информация о распространении гражданином контрафактной продукции не является информацией о его частной жизни, в том числе составляющей личную или семейную тайну.

При необходимости доказывания размера компенсации стороны нередко обращаются к суду с ходатайством об истребовании соответствующих доказательств у противоположной стороны. Однако во многих случаях суды не удовлетворяют подобные ходатайства, ссылаясь на нормы процессуального законодательства, предусматривающие состязательность процесса: ответчик не должен представлять доказательства, которые будут доказывать обстоятельства, на которые ссылается истец, и будут использованы против него.

Вместе с тем в п. 61 постановления Верховный суд указывает, что, заявляя требование о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров (товаров), истец должен представить расчет и обоснование взыскиваемой суммы, а также документы, подтверждающие стоимость права использования либо количество экземпляров (товаров) и их цену. В случае

невозможности представления доказательств истец вправе ходатайствовать об их истребовании у ответчика или третьих лиц. Представляется, что в отсутствие у истца возможности получить такие доказательства самостоятельно суд все же должен содействовать в истребовании их у ответчика, поскольку именно ответчик располагает фактическими данными, которые необходимы для правильного разрешения дела.

В патентных спорах, относящихся к категории наиболее сложных дел, процесс доказывания факта совершения правонарушения, как правило, в значительной степени затруднен. В этой связи разъяснения, приведенные в п. 124 постановления, представляются крайне важными. В частности, согласно данному пункту при наличии у истца обоснованных предположений о том, что ответчик допускает использование изобретения, полезной модели или промышленного образца, исключительное право на которое принадлежит истцу, у ответчика могут быть истребованы доказательства, позволяющие установить, совершаются ли им действия, охватываемые исключительным правом патентообладателя. В случае невозможности или затруднительности доставки письменных или вещественных доказательств при необходимости суд может провести их осмотр и исследование по месту их нахождения.

Безусловно, возможность истребовать доказательства у противоположной стороны появилась не в постановлении, а была закреплена в процессуальном законодательстве (четвертая часть ст. 66 АПК РФ) еще задолго до его принятия. Однако теперь, по крайней мере, стороны могут ссылаться на разъяснения высшей судебной инстанции в обоснование своего ходатайства, что существенно повышает шансы на достижение желаемого результата.

Следует отметить, что, помимо указанных аспектов, из постановления можно почерпнуть много нового, в том числе о возможности использовать доказательства, полученные из зарубежных источников.

Ответственность за нарушение исключительного права

В п. 25 постановления дается разъяснение о законодательстве, подлежащем применению при определении мер ответственности. Так, меры ответственности за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации применяются исходя из законодательства, действовавшего на момент совершения нарушения. По нарушениям, носящим длящийся характер, применяются положения законодательства, действующего на дату их обнаружения или, если нарушение прекращено на момент обнаружения, на последний день, когда оно совершалось.

В п. 57 постановления отражена позиция, складывающаяся на протяжении последних лет в спорах о параллельном импорте. В частности, указывается на недопустимость удовлетворения требований об общем запрете конкретному лицу в будущем использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, поскольку такой запрет установлен непосредственно законом. Требование о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, может быть удовлетворено только в случае, если противоправное поведение конкретного лица еще не завершено или имеется угроза нарушения права.

Несмотря на формирование такой позиции по конкретной категории споров, сегодня она распространяется на

все споры, связанные с нарушением интеллектуальных прав. Например, теперь, видимо, считаются не подлежащими удовлетворению такие требования как запрет на использование изобретения ответчику, так как это может быть расценено как общий запрет на будущее. Правильнее требовать, например, запрета на продажу или иное введение в гражданский оборот (в зависимости от того, какие именно действия совершаются) конкретного товара, в котором незаконно использовано запатентованное изобретение.

Важным является указание на возможность истца изменить выбранный им способ расчета суммы компенсации, предусмотренный в подпунктах 1, 2 и 3 ст. 1301, подпунктах 1, 2 и 3 ст. 1311, подпунктах 1 и 2 ст. 1406.1, подпунктах 1 и 2 п. 4 ст. 1515, подпунктах 1 и 2 п. 2 ст. 1537 ГК РФ, до вынесения судом решения, поскольку предмет и основания заявленного иска не изменяются (п. 59 постановления). Так, если при подаче иска истец выбрал в качестве способа расчета компенсации «вилку» в размере от 10 тыс. до 5 млн руб., но в ходе рассмотрения дела, исходя из полученных доказательств, он считает, что компенсация в размере двукратной стоимости контрафактных товаров будет более справедливым способом восстановления нарушенного права, он вправе уточнить свои исковые требования соответствующим образом.

Относительно требований о возмещении убытков или выплате компенсации в постановлении говорится, что такие требования могут быть заявлены и после прекращения правовой охраны соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, являвшимся правообладателем на момент совершения правонарушения. При этом

право требовать возмещения убытков или выплаты компенсации может быть передано по соглашению об уступке требования, которое подлежит регистрации в соответствующем порядке (п. 2 ст. 389 ГК РФ).

В п. 155 постановления содержится важное разъяснение по оценке действий, нарушающих право на товарный знак, но совершенных с даты подачи заявки до даты регистрации товарного знака. Так, согласно разъяснениям использование третьими лицами обозначения, тождественного или сходного до степени смешения с заявленным на регистрацию в качестве товарного знака обозначением, с даты подачи заявки и до даты регистрации этого товарного знака не может считаться нарушением исключительного права на товарный знак. Дата подачи заявки служит лишь моментом отсчета срока действия исключительного права. С практической точки зрения это означает, что после регистрации товарного знака правообладатель вправе запретить его использование третьими лицами, начавшими такое использование после даты подачи заявки на регистрацию товарного знака, но не вправе требовать применения мер ответственности за нарушение исключительного права, в том числе взыскания компенсации за период до даты регистрации товарного знака.

В завершение отметим, что, безусловно, постановление № 10 является очень важным документом, вселяющим надежду на правильное и всестороннее рассмотрение дел, касающихся интеллектуальных прав, российскими судами. Конечно, в силу своего юридического статуса оно не может заменить положения четвертой части ГК или АПК и ГПК РФ, но является не менее важным источником права, хотя и по этому поводу могут возникнуть дискуссии.

